

УДК 008.009:39

А. Г. Миненко

РОЛЬ ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

В статье решается задача выявления детерминирующей функции географической среды и специфической роли хозяйственной деятельности крестьянства в формировании русского национального характера. Рассматривается соотношение национального менталитета и характера, выявляются различные способы их взаимосвязи с природной средой.

Ключевые слова: адаптация, генезис, географическая среда, детерминация, менталитет, национальный характер, способ хозяйствования.

A. G. Minenko

THE ROLE OF NATURAL AND ECONOMIC FACTORS IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN NATIONAL CHARACTER

The problem solved in the article is to identify the determining function of the geographical environment and the specific role of the economic activity of the peasantry in the formation of the Russian national character. It considers the correlation of the national mentality and character and shows a different way of their connection with natural environment.

Keywords: adaptation, genesis, geographical environment, determination, mentality, national character, method of economic activity.

Изучение национального характера в европейской философии и науке прошло ряд этапов, на которых ставились и решались разные исследовательские задачи, в том чис-

ле задача постижения детерминирующих факторов. Условно можно выделить три таких этапа. Вопрос о влиянии географической среды на характерологические особенности

этносов и наций поставлен уже на первом – детерминистском – этапе изучения национального характера в европейской философии и науке. Начало размышлениям о национальном характере в его связи с географическим фактором положил своим сочинением «О духе законов» (1748) Ш. Л. Монтескье. Проблема детерминации национального характера решена им в русле жесткого географического детерминизма, который уже современникам казался сильным преувеличением. В духе крайнего европоцентризма Монтескье противопоставлял климаты жаркий, холодный и умеренный, которыми и определяются различия южных и северных (европейских) народов. «Теория» его проста: «Народы жарких климатов робки как старики; народы холодных климатов отважны как юноши. <...> В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямоты. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали». Даже чувствительность к боли определяется климатом. О русских пишет: «Чтобы пробудить в москвитях чувствительность, надо с него содрать кожу» [9, с. 198, 200].

Подобные рассуждения сразу породили бурную полемику. Поскольку труд Монтескье писался около двадцати лет, его идеи стали известны, конечно, раньше указанной даты. В том же 1748 году Д. Юм опубликовал эссе «О национальных характерах», в котором он решительно опровергал позицию Монтескье и отрицал какое бы то ни было воздействие климата и других материально-физических факторов на характеры наций. Решающее влияние он отводил «моральным» факторам, к каковым относил такие явления, как «форма правления, социальные перевороты, изобилие или нужда, в которых живет население, положение нации в отношении своих соседей и тому подобные обстоятельства» [18, с. 703]. Сюда же

относятся характер различных профессий, который изменяет природные наклонности человека; общение людей и проявляющееся в нем подражание людей друг другу; эффект кумуляции пороков и добродетелей в поколениях под воздействием лидеров нации. Юм приводит и аргументирует девять оснований – жизненных и исторических ситуаций в пользу абсолютного доминирования моральных факторов детерминации национальных характеров. Таким образом, Д. Юм выступает как антипод Монтескье. Таковую же позицию однозначно социального детерминизма занял французский философ К. А. Гельвеций в сочинении «О человеке», вышедшем в 1773 году [3, с. 182–187]. В духе абсолютизации воспитания он единственным фактором, определяющим характеры народов, считал форму правления, чередующую состояния свободы и рабства. Пафос философа направлен на дискредитацию деспотизма, всегда изменяющего характер нации в худшую сторону. Общий вывод Гельвеция таков: «...характер и ум народов изменяются вместе с формой их правления; ...разные формы правления придают одной и той же нации поочередно характер то возвышенный, то низкий, то постоянный, то изменчивый, то мужественный, то робкий» [2, с. 185].

Односторонние подходы вышеназванных мыслителей взвешенно и органично были синтезированы уже в сочинении основателя европейской философии истории И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791). Сбалансированный итог дискуссий представил также Г. В. Ф. Гегель – в своем труде «Философия духа». По его стопам пошли представители европейской «психологии народов» – Ипполит Тэн, В. Вундт, Г. Лебон, А. Фулье. В русской науке замечательные рассуждения о роли природной среды в формировании великорусского характера оставил в своем «Курсе русской истории» В. О. Ключевский.

Полемика о роли географического фактора, ландшафта в жизни народов и наций продолжалась на протяжении двух столетий. В западной традиции это направление получило в конечном итоге название «энвайронментализм» [3, с. 51–68], суть которого сводится к идее первостепенного влияния на человека природной среды, жестко регламентирующей условия жизни людей. Человеческое же поведение виделось строго ориентированным на приспособление к обстоятельствам, формируемым природной средой. Оно представлялось реакцией на раздражители, источником которых выступали климат, почвы, рельеф, растительность и т. п. Характеристики природной среды рассматривались силами, неподвластными контролю; они выступали независимой переменной в отличие от зависимой величины, каковой являлось поведение человека. Популярность географическому детерминизму, который господствовал на Западе с последней трети XIX до середины первой четверти XX века, придал известный немецкий географ Фридрих Ратцель. В 1882 и 1891 годах вышел его двухтомный труд по географии человека – «Антропогеография, или введение в применение географии для истории». Ратцель считал, что человеческие общества борются за выживание в окружающей природной среде точно так же, как животные или растения. В ходе борьбы за существование приспособление сообществ принимает те формы, которые наиболее соответствуют преобладающим условиям среды. Формы поведения, социальной организации и культуры образуются в тесной связи с различиями в климате, который Ратцель считал важнейшим условием формирования национальных особенностей. Выявление этих детерминистских связей давало ключ к пониманию специфики тех или иных социумов и поведения составляющих их людей (см. [3, с. 52]). Сам Ратцель не был прямолинеен и делал оговорки, что культурные

различия могут играть более значимую роль в определении особенностей конкретных социумов. Однако его последователи, особенно американская ученица Э. Семпл, доводили позицию Ратцеля до абсурда, считая, что природа не только кормит человека, она определяет его ум, способности, «подталкивает» к развитию судоходства, орошения полей, «одновременно подсказывая ему, как это делать» (см. [3, с. 53]).

Французская школа историков – Видаль де ла Блаш, Л. Февр, Ж. Брюн – в 1920-е годы подвергла критике подобный детерминизм, отметив использование примитивных корреляций для доказательства существования причинных связей, субъективный отбор многочисленных эмпирических наблюдений, и в целом – переоценку непосредственного влияния внешней среды на повседневную жизнь людей. Выработанную ими концепцию взаимодействия общества и среды комментаторы назвали *поссибилизмом*. Согласно их позиции, среда является пассивным, инертным фактором, а человек, наоборот – активным. Поссибилисты считали, что в развитии обществ нет необходимости, заданности определенного вектора, а есть только возможности, которыми человек распоряжается как хозяин, что не означает, однако, что не существует природных ограничений деятельности человека. Данная позиция оказалась половинчатой, так как каузальность в развитии общества вполне признавалась, но не сводилась, как у географических детерминистов, только к внешней природной среде, а рассматривалась как более сложная конфигурация. Дж. Голд резюмирует: «Кроме того, и детерминисты, и поссибилисты... рассматривали среду как заранее данный фактор, по существу игнорируя деятельность человека по изменению этой среды» [3, с. 54]. Поэтому можно говорить относительно данного направления о тупиковости ситуации с теорией природной детерминации жизнедеятельности общества, в том числе

формирования характерологических особенностей этносов. В дальнейшем энвайронментализм в работах ряда западных экономистов трансформировался в экологическое и пространственное направление в географии человека, занятое оптимизацией экономических процессов в обществе.

В отечественной науке нельзя не упомянуть выполненную в русле географического детерминизма работу Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» (1889) [8]. В XX веке импульс этой проблематике придал Л. Н. Гумилев своей теорией этногенеза, в которой ключевыми понятиями являлись «вмещающий ландшафт» и базовый «поведенческий стереотип» (см. [1]). Результирующим вектором в осмыслении этой многосложной проблемы явилось признание многофакторности детерминации национального характера, а также несомненного влияния географической среды на его формирование и трансформацию в ходе исторической жизни народов. Уязвимым же местом оказались слишком общий, интуитивный характер этого положения, отсутствие объяснения конкретных «механизмов» воздействия природной среды, как объективно-материальной реальности, на субъективно-личностный феномен, каковым является характер отдельного человека и народа. Поэтому возникает настоятельная необходимость поиска для исследования заявленной проблемы более адекватной методологии, которой не располагали ученые предшествующих периодов.

Прежде всего, следует отметить, что воздействие природной среды на национальный характер не укладывается ни в одну из известных версий строгой причинно-следственной методологии, каковыми являются теории «внешних воздействий», «связи состояний», «вероятностный подход» с его языком «распределений» (см. [13, с. 16–42]). Но, вместе с тем, вряд ли можно оспорить наличие взаимосвязи общего характера

(корреляции), хотя и неизвестной нам природы, между ландшафтными особенностями конкретной социокультурной системы и характером ее коллективного субъекта. Это обстоятельство отмечалось неоднократно и стало «общим местом». Так, русский философ Ф. А. Степун, обсуждая мысль О. Шпенглера о том, что своеобразие любой культуры можно объяснить прежде всего через климат, структуру почвы и ландшафт, пишет: «Неоспоримо... бросающееся в глаза каждому путешественнику сходство между ландшафтом, который народ населяет, и духовным обликом представляемой им культуры. Если это так, тогда оправдана попытка объяснить своеобразие русской культуры русским ландшафтом...» [14, с. 583].

Но фактически, когда мы сравниваем «вмещающий ландшафт» с национальным характером, мы, как в кибернетике, имеем дело с неким «черным ящиком», относительно которого известно лишь то, что имеем на входе (специфические качества ландшафта), и то, что на выходе (характерологические черты этноса, нации). Но нам не известен тот «трансформер», который переводит параметры внешней среды обитания в субъективную реальность характера большой социальной группы. Следует отметить, что эта методологическая проблема, в общем-то, осознана в научной литературе и вполне эксплицитно формулируется, например, И. Г. Яковенко, который пишет следующее: «...множество авторов самого разного ряда – писатели, публицисты, философы, литературоведы, историки – чуть ли не пару веков писали и пишут о связи русской истории и культуры с духом ландшафта, природой, средой, в которую вписан народ... И простое наблюдение как будто подтверждает эти суждения, но остается чувство неудовлетворенности. Оно не только вызвано тривиальностью, затасканностью тезиса о связи культуры с духами ландшафта. В этом утверждении есть гуманитарная нестрогость. Очевидность,

а скорее общепризнанность, такого соответствия как бы снимает вопрос о механизмах причинно-следственных связей, о природе подобной корреляции. Описанный ход мысли мог быть терпим в эпоху Ключевско-го, К. Леонтьева или Бердяева, но не сегодня» [20, с. 24].

Сам автор выстраивает более строгую, с его точки зрения, корреляцию материальных ландшафтных структур с человеческой психикой на основе гипотезы о соответствии структур человеческой ментальности, деятельности, социальности и созданного человеком предметного мира. Все эти компоненты основаны на единой сущности, которая лишь проецируется на разные по устройству экраны. Такой сущностью является «природа психического, задающая и переживание мира, и мышление, и действие». Ландшафт осваивается и переживается сознанием, которое подстраивается под характеристики пространства. В ходе такого «подстраивания» достигается структурное и морфологическое соответствие пространства ментальности и вмещающего субъекта реального пространства [20, с. 25, 26]. Такова суть излагаемой позиции, которая автором постулируется, но теоретически не аргументируется.

Трудности подобного рода не новы. Уместно отметить, что еще Элизе Реклю в предисловии к французскому изданию сочинения своего друга Л. И. Мечникова пишет, что после появления сочинения Ш. Л. Монтескье ни один ученый не отрицает действия среды на расы, и далее в тексте читаем то, что можно встретить и во множестве современных публикаций: «...почти каждый из этих ученых, говоря о влиянии среды, говорил, что невозможно точно установить, в какой мере влияет среда на человека». Здесь же он излагает позицию великого географа Карла Риттера, которая по своей сути вполне совпадает с гипотезой И. Г. Яковенко. Риттер также постулировал между человеком и окружающей его средой полную гармонию в духе

той, которую устанавливал между душой и телом Г. Лейбниц. Суть его идеи в том, что весь рельеф нашей планеты «точно совпадает в своем влиянии на человека с гением того народа, который должен населять данную область» [8, с. 222]. То есть они изначально консонируют друг с другом, а не трансформируются в процессе взаимоадаптации, как это видится современной биологической и географической науке. Можно вспомнить и то, что Л. Н. Гумилев провозглашал неотделимость этноса от исходного вмещающего ландшафта, с утратой которого он должен или исчезнуть, или кардинально измениться.

Итак, центральный и нерешенный в теоретическом плане вопрос заключается в определении внутреннего механизма преобразования специфических качеств ландшафта в качества характера населяющего его этноса. На уровне общей корреляции о связи русской природы с русским характером вдумчивыми наблюдателями сказано столь много, что, кажется, добавить нечего. В этом можно убедиться, обратившись к хрестоматии «Пространства России» (см. [17]). Решение означенного вопроса мы видим в следующем. Прежде всего, не следует отождествлять менталитет с этническим (национальным) характером, что иногда делается в силу крайней запутанности проблемы их соотношения. Смысловое ядро национального менталитета связано с картиной мира, которая может быть представлена как в относительно систематической форме, например, в космологических мифах, так и в неотрефлексированной форме на уровне социальной психологии отдельных групп и, в конечном итоге, индивида. Если сравнить современные определения менталитета или ментальности они удивительно сходны с определениями мировоззрения. Действительно, в недавние времена картина мира в отечественной философии именовалась мировоззрением, соответственно – или систематическим, представленным совокупностью каких-то текстов, или обыден-

ным, в котором, наряду с сознательными элементами, большую роль играют чувственные, а также слабо осознаваемые компоненты, погруженные в глубины индивидуального и коллективного подсознания. Так или иначе, менталитет – структура идеальная. Более широким понятием в соотношении с менталитетом или национальным характером может быть понятие психического склада нации, как предложила считать А. И. Горячева (см. [4]). Итак, в менталитете абсолютно преобладают гностические, познавательные компоненты, это предельно общий взгляд на мироздание, свойственный индивидуальному, социально-групповому или общенациональному субъекту.

Национальный же характер, на наш взгляд, следует отнести к реальности праксеологической, органически связанной с типическими способами деятельности конкретного социума, и также типическими поведенческими реакциями в широком спектре вызывающих их факторов. Такими факторами могут быть и особенности географической среды, и специфика политической системы или режима, и нравственные воззрения стихийного или систематизированного (религия, идеология) плана. В таком понимании субстанцией национального характера не может являться, например, художественная одаренность этноса, как писал о русских Н. О. Лосский. Субстанцией национального характера еще в конце XIX века основатели европейской «психологии народов» (Г. Лебон, А. Фулье) объявили *волю*. Это означает, что как индивидуальный, так и социально-групповой, в том числе национальный, характер диагностируются не иначе как по поведенческим реакциям, связанным, как правило, с преодолением препятствий или затруднений в жизнедеятельности. Когда П. А. Сорокин в своей известной работе пытался определить черты характера русской нации, он перечислил, прежде всего, чисто

волевые его проявления: «сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, замечательное упорство, выдающуюся готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации...» [12, с. 472]. Поэтому заключая, добавим: национальный характер – реальность не только праксеологическая, но еще волюнтаристская.

Введенное различие менталитета и национального характера позволяет иначе поставить вопрос о взаимосвязи национального характера и природно-географической среды. Прежде всего, эта среда дифференцирована. Еще в 1899 году ученый-почвовед В. В. Докучаев ввел в оборот заимствованный из Германии термин «ландшафт», а в начале 1930-х годов биогеограф и автор эволюционной теории номогенеза Л. С. Берг основательно разработал понятие ландшафта. Он определялся как различные существенно отличающиеся экологические зоны: тундра, тайга, смешанные леса, степи, луга и пустыни [1, с. 11–12]. На этой основе мы утверждаем следующее. Национальный характер формируется под детерминирующим воздействием того или иного ландшафта не непосредственно, а опосредованно через способ деятельности в природной среде, через специфику труда. Относительно русского характера принято связывать его с так называемым «русским трудом», или, иногда говорят, «русским делом». Господствовавший в России на протяжении многих веков земледельческий, хотя органически связанный с промысловым (охота, рыболовство, бортничество), труд, который осуществлялся в разные периоды в степной, лесостепной и лесной экологических зонах, предъявлял к качествам характера русского человека такие требования, без ответа на которые адаптация и простое физическое выживание были невозможны.

Русский национальный характер складывался под определяющим воздействием,

в первую очередь, двух факторов – русско-го труда и русской государственности, что, конечно, не отменяет значения других факторов, влияние которых на национальный характер более многосложно и трудно эксплицируемо (наследственно-генетическая программа, судьбоносные исторические события, православие и др.) На ряде исторических этапов эти два указанных фактора вступали в резонанс, взаимоусиливая друг друга и обеспечивая кумулятивный эффект своего влияния на национальный характер, его следование по определенному вектору. Поскольку на протяжении веков сменялись и расширялись вмещающие ландшафты, менялись формы государственности, то русский характер, как, наверно, характер любого другого долго живущего исторической жизнью этноса, оказался многослойным. И эти слои с разной степенью выраженности проявляются в типических формах поведения и, особенно, в «пограничных ситуациях» до настоящего времени.

Существуют прецеденты прямолинейного выведения всех черт русского характера из «русского дела». Такова позиция С. С. Сухоноса (см. [16]), который, взяв за основу широко известные черты русского характера, порожденные, как считал В. О. Ключевский, спецификой земледелия и вообще хозяйственной деятельности великороссов в Верхневолжском районе, дает свою версию национальной характерологии, проецируя наблюдения великого историка по конкретному региону на весь дальнейший период российской истории. Используемый автором принцип крайне прямолинейен: есть определенная особенность аграрного хозяйствования – из нее вытекает такая-то черта характера. Не учитывается, что первичным способом земледелия славян Киевской Руси было не подсечное земледелие и перелог, которые автор абсолютизирует, а, скорее, обычное для всей Европы того периода трехполье, о чем компетентно пишет Л. В. Данилова

(см. [5]). Не учитывается и то, что русские крестьяне, начиная с последней четверти XVI века, поэтапно освоили лесостепной и степной черноземный пояс Европейской России, Новороссию, черноземы Южной Сибири и Дальнего Востока, где не было ни непроходимых лесов, ни болот, что и устраняло необходимость переложного земледелия и расселения деревнями-одnodворками. Ушло также из поля зрения то обстоятельство, что в последние уже почти триста лет появились новые социальные страты, которые трудились совсем не так, как описывал сезонный крестьянский труд В. О. Ключевский, а по-европейски упорно, систематически, технологично. Это художественная и научная интеллигенция, инженеры, профессиональные управленцы и др. Наконец, как уже отмечено, не менее мощное воздействие на формирование и трансформацию русского характера оказывало, особенно с Московского периода, также государство, которое выступало для русского человека некоей абсолютной, непреодолимой реальностью, формирующей его по своим лекалам.

Рациональное зерно в абсолютизации «русского труда» состоит в том, что в любом случае русский характер формировался под влиянием не просто природного, а *природно-хозяйственного* фактора, изначально и до сего времени носящего экстремальный характер. О его суровости, скудости результатов земледельческого труда в таких условиях написано немало капитальных трудов, не говоря о публицистике. Субъект русского, и прежде всего аграрного, хозяйствования на протяжении веков испытывал предельное, в сравнении с Западной Европой, сопротивление своего ландшафта. Он адаптировался к нему разными способами, одновременно преодолевая давление, как внешней среды, так и внутренней слабости, буквально выковывая в себе волевые черты характера, без обладания которыми не мог выжить ни сам индивид, ни русское

государство, перманентно испытывавшее дефицит ресурсов в ситуации геополитического давления с Запада и с Востока.

Внешним признаком специфики географического фактора в России является масштаб занимаемой страной территории. Речь идет о «русском пространстве», которому часто придается чрезвычайно большое значение при осмыслении русского характера. С ним связывают и русскую неорганизованность, и бытовую неустроенность, и многое другое. Здесь нужно отметить, что любой ландшафт включает в себя как неосвоенную, или слабо освоенную, территорию, так и ландшафт антропогенный, преобразованный деятельностью человека. В России постоянно отмечается несоразмерность, малость освоенной, окультуренной части территории в сравнении с дикой природой, а также крайне низкий уровень структурированности антропогенного ландшафта, более близкого по своим внешним признакам к природе, нежели культуре. С этим простором, или «Большим пространством» (А. Дугин), связывают целый ряд черт русского характера, таких как бесшабашность, русский «авось», «русская воля», неистребимая тяга к уходу от государства, или, как говорил С. М. Соловьев, «привычка к расходке в народонаселении и отсюда стремление правительства ловить, усаживать и прикреплять» [11, с. 45]. Отмечалось часто и гнетущее воздействие безбрежной равнинной территории и ее однообразного вида на проезжающего по стране путешественника.

Однако в этом вопросе неясность состоит в том, *что* на кого воздействует и на чем именно отражается. Относительно подавляющего воздействия, которое оказывает на своего созерцателя «безмерная русская ширь», можно сказать, что дикий ландшафт пугает только робкого интеллигента. Тайга, тундра, глубоководная река и т. п. являются домом родным для людей привычных – рыбаков, охотников, оленеводов, «врос-

ших» в свой ландшафт и ориентирующихся в нем так же хорошо, как горожанин в городе, в котором он родился и вырос. Кроме того, русский крестьянин, так же как любой другой из этносов России, жил и трудился не непосредственно в безбрежном пространстве, а в границах своих небольших «миров» и мирков, то есть в ландшафте антропогенном. И лишь труд в этом ограниченном пространстве, хотя часто невероятно тяжелый, был ему по силам, именно в нем формировались его типические волевые качества характера, обеспечивающие ему способность кормить себя и свою семью, нести государственное «тягло», а при необходимости и воевать – так же упорно, как он пахал свою землю.

Тем не менее, бесспорно то, что с дикой природой и пустым незаселенным пространством, будь то «степь широкая» или тайга, русский человек встречался несопоставимо чаще, в сравнении с жителями раньше освоенной, густо заселенной, урбанизированной Западной Европы. Нам представляется, что дикий ландшафт, пустое, незаселенное пространство воздействовало не столько на характер, сколько на менталитет россиянина. Менталитет, как мы условились, опираясь на определенные разработки, имеет своим ядром картину мира, которая представляет собой предельно общий взгляд на мироздание, задаваемый традиционно-обрядовой культурой, православием и множеством других – нерелексируемых, слабо осознаваемых – факторов. Созерцание природы, необъятного пространства занимало не последнее место в формировании менталитета русских. Но есть большая разница в том, *что* именно является объектом созерцания – освоенная, рукотворная природа на стесненных территориях или природа в ее первозданном, непокоренном состоянии. Неоднократно отмеченная метафизичность русского человека по своему генезису и устойчивому присутствию в русской душе,

на наш взгляд, связана, в том числе, с восприятием подавляющего своим масштабом и величиим природного мира.

Этот момент оказался недостаточно проясненным в философской и научной литературе. Лишь Ф. А. Степун в своей ранней статье «К феноменологии ландшафта» (1912), сравнивая идеально оформленный ландшафт некоторых областей Италии с менее оформленным ландшафтом горной части Германии, резко противопоставляет им страну предельной неоформленности – Россию, и толкует этот момент как фактор генерирования метафизического творчества русских. Приведем ключевой фрагмент текста: «Необъятные дали, бесконечные просторы, явная эстетическая несозданность и бесформенность – вот основные черты русской природы. <...> Неизвестно куда пролегающие дороги, неподвластные взору зеленые дали лесов и лугов, бурые болота и топи, и мхи, гудящие, глухие леса, снежные вихри, свивающие мир в бесформенный хаотический лик, – все это знаменательно толкает Россию на пути всепоглощающего религиозного творчества» [15, с. 807]. А в более поздней работе «Дух, лицо и стиль русской культуры» (1959) он отмечает, что западноевропейский ландшафт – это полнота формы на теснейшем пространстве, а русский – в бесконечность излучающаяся бесформенность. Смысл этого пассажа в том, что Бог, метафизический Абсолют недоступен человеку в некоей оформленности, поэтому возникает задача «...найти напряжение между религиозной наполненностью и чуждостью форме в душе русского крестьянина, который самым родом своей работы более связан с матерью-землей, чем иные сословия» [14, с. 584, 585]. Все это подтверждает необходимость четкого различения, хотя бы в методологическом плане, национального характера и национального менталитета.

Такое различение, вкупе с праксеологической, деятельностной трактовкой нацио-

нального характера, дает возможность внести ясность в некоторые дискуссионные вопросы национальной характерологии, например, о соотношении коллективизма и индивидуализма в русском характере. Например, в последнее время все чаще стали появляться публикации, утверждающие главенство вовсе не «коллективистского инстинкта» русского крестьянина и вообще русского человека, как считали, например, А. И. Герцен и народники, а, наоборот, своеобразного индивидуализма. В яркой публицистической форме это выразил А. С. Ципко (см. [19]). Аргументируется этот тезис в опоре на материал внимательных наблюдателей крестьянской жизни, таких как Г. И. Успенский, Н. А. Энгельгардт, а также на основе впечатлений о постсоветском россияnine. Но можно рассмотреть этот вопрос чисто исторически. Он тесно связан с крестьянской поземельной общиной, отличавшейся глубокой внутренней противоречивостью, что отмечает в своей работе Ричард Пайпс [19, с. 32–35]. Об общине написано множество трудов, но до сих пор тема остается крайне дискуссионной. Земля никогда не была собственностью крестьянских миров, они лишь коллективно владели ею, обладая правом осуществлять периодические переделы по количеству пахотной земли и ее местонахождению. В XIX – начале XX века неоднократно зафиксирован бесспорный факт приверженности основной массы крестьянства к общинным отношениям и порядкам, несмотря на то, что переделы лишали хозяев мотивов к улучшению качества земли.

Историческое объяснение появления переделной земельной общины нашел еще в дореволюционный период истории России А. Кауфман (см. [6]), хотя не только он. На основе эмпирических исследований земельных отношений в Сибири, которая по «скорости» эволюции этих отношений отставала от европейской части на несколько столетий, А. Кауфман подтвердил еще

ранее высказывавшийся тезис (например, Б. Н. Чичериным) о том, что передельный порядок не был создан из фискальных соображений крепостническим государством. Он возникал естественным образом исключительно в ситуации дефицита земельных ресурсов, сменяя захватный способ и другие более свободные нормы землепользования. Например, наличный источниковый материал свидетельствует о том, что еще в XV веке его существование трудно доказуемо. Лишь прикрепление крестьянства к земле и помещику в центральной России, а это конец XVI века, привело к утверждению уравнительной поземельной общины. Поэтому мнимый коллективизм русского народа – явление не изначальное, а исторически обусловленное и, вероятно, преходящее.

Заключая изложенное, отметим, что в своей статье мы пытались аргументировать высказанный в ее начале основной методологический тезис, состоящий в следующем. Природно-географический фактор детерминирует национальный характер не непосредственно, как думал когда-то

Ш. Л. Монтескье, а опосредованно, определяя лишь тот или иной способ аграрного хозяйствования. Именно способ деятельности на земле, задаваемый всей совокупностью климатических, почвенных и т. п. условий, напрямую воздействует и вызывает появление типических черт характера представителей конкретного этноса. На протяжении истории русский ландшафт не был однородным и постоянным, он предъявлял к русскому человеку разные требования, поэтому его характер сформировался многослойным и противоречивым. В рецессивном состоянии в нем покоятся несовместимые черты, и каждый этап исторического развития, под влиянием политического режима, геополитического вызова и т. п., выталкивает на поверхность те или иные, погруженные в подсознание и неожиданные для внешнего наблюдателя его моменты. Из этого обстоятельства вытекает закономерное предположение о высоком адаптивном потенциале русского национального характера по отношению к меняющимся природным и историческим реалиям.

Литература

1. Бассин М. «Родина» как экологическая ниша: размышления Льва Гумилева об этносе и ландшафте // Россия: воображение пространства / пространство воображения / отв. ред. И. И. Митин; сост. Д. А. Замятин. – М.: Аграф, 2009. – С. 109–118.
2. Гельвеций К. А. О человеке // Гельвеций К. А. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1974. – Т. 2. – С. 5–567.
3. Голд Дж. Основы поведенческой географии: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 304 с.
4. Горячева А. И. Является ли психический склад признаком нации? // Вопросы истории. – 1967. – № 8. – С. 90–104.
5. Данилова Л. В. Крестьянский опыт природопользования в историческом центре средневековой Руси // Традиционный опыт природопользования в России / отв. ред. Л. В. Данилова, А. К. Соколов. – М.: Наука, 1998. – С. 57–76.
6. Кауфман А. К вопросу о происхождении поземельной общины. – М.: Типолитография И. Н. Кушнерев и К^о, 1907. – 71 с.
7. Малышев В. И. Пространство мысли и истоки национального характера. – СПб.: Алетейя, 2009. – 408 с.
8. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. – 464 с.
9. Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.

10. Пайпс Р. Россия при старом режиме: пер. с англ. – М.: Независимая газета, 1993. – 421 с.
11. Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. VII, т. 13–14. История России с древнейших времен / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1991. – 701 с.
12. Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 563–489.
13. Спонтанность и детерминизм / В. В. Казютинский, Е. А. Мамчур и др.; Ин-т философии РАН. – М.: Наука, 2006. – 323 с.
14. Степун Ф. А. Дух, лицо и стиль русской культуры // Степун Ф. А. Сочинения. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 583–595.
15. Степун Ф. А. К феноменологии ландшафта // Степун Ф. А. Сочинения. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 804–807.
16. Сухонос С. И. Русское дело // Я русский! Хрестоматия русского национального характера / авт.-сост. В. В. Аристархов. – М.: Вече, 2010. – С. 66–84.
17. Хрестоматия по географии России. Образ страны. Пространства России / под общ. ред. Д. Н. Замятина. – М.: МИРОС, 1994. – 156 с.
18. Юм Д. О национальных характерах // Юм Д. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 2. – С. 703–721.
19. Ципко А. С. Кому и чему служит миф о «коммунистическом инстинкте» русского человека // Наука и жизнь. – 2011. – № 5. – С. 35–44.
20. Яковенко И. Г. Русское пространство // Россия: воображение пространства / пространство воображения / отв. ред. И. И. Митин; сост. Д. А. Замятин. – М.: Аграф, 2009. – С. 23–37.

Literatura

1. Bassin M. «Rodina» kak jekologicheskaja nisha: razmyshlenija L'va Gumileva ob jetnose i landshafte // Rossiya: voobrazhenie prostranstva / prostranstvo voobrazhenija / отв. ред. И. И. Митин; сост. Д. А. Замятин. – М.: Аграф, 2009. – С. 109–118.
2. Gel'vecij K. A. O cheloveke // Gel'vecij K. A. Sochinenija: v 2 t. – М.: Mysl', 1974. – Т. 2. – С. 5–567.
3. Gold Dzh. Osnovy povedencheskoj geografii: per. s angl. – М.: Progress, 1990. – 304 s.
4. Gorjacheva A. I. Javljaetsja li psihicheskij sklad priznakom nacii? // Voprosy istorii. – 1967. – № 8. – С. 90–104.
5. Danilova L. V. Krest'janskij opyt prirodopol'zovanija v istoricheskom centre srednevekovoj Rusi // Tradicionnyj opyt prirodopol'zovanija v Rossii / отв. ред. L. V. Danilova, A. K. Sokolov. – М.: Nauka, 1998. – С. 57–76.
6. Kaufman A. K voprosu o proishozhdenii pozemel'noj obwiny. – М.: Tipolitografija I. N. Kushnerev i K°, 1907. – 71 s.
7. Malyshev V. I. Prostranstvo mysli i istoki nacional'nogo haraktera. – SPb.: Aletejja, 2009. – 408 s.
8. Mechnikov L. I. Civilizacija i velikie istoricheskie reki. Stat'i. – М.: Izd. gruppa «Progress», 1995. – 464 s.
9. Montesk'jo Sh. L. O duhe zakonov. – М.: Mysl', 1999. – 672 s.
10. Pajps R. Rossiya pri starom rezhime: per. s angl. – М.: Nezavisimaja gazeta, 1993. – 421 s.
11. Solov'ev S. M. Sochinenija: v 18 kn. Кн. VII, т. 13–14. Istorija Rossii s drevnejshih времен / отв. ред. И. Д. Ковал'chenko, S. S. Dmitriev. – М.: Mysl', 1991. – 701 s.
12. Sorokin P. A. Osnovnye cherty russkoj nacii v dvadcatom stoletii // O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. Filosofija russkogo posleoktjabr'skogo zarubezh'ja. – М.: Nauka, 1990. – С. 563–489.
13. Spontannost' i determinizm / V. V. Kazjutinskij, E. A. Mamchur i dr.; In-t filosofii RAN. – М.: Nauka, 2006. – 323 s.

14. Stepun F. A. Duh, lico i stil' russkoj kul'tury // Stepun F. A. Sochinenija. – M.: ROSSPJeN, 2000. – S. 583–595.
15. Stepun F. A. K fenomenologii landshafta // Stepun F. A. Sochinenija. – M.: ROSSPJeN, 2000. – S. 804–807.
16. Suhonos S. I. Russkoe delo // Ja russkij! Hrestomatija russkogo nacional'nogo haraktera / avt.-sost. V. V. Aristarhov. – M.: Veche, 2010. – S. 66–84.
17. Hrestomatija po geografii Rossii. Obraz strany. Prostranstva Rossii / pod obw. red. D. N. Zamjatina. – M.: MIROS, 1994. – 156 s.
18. Jum D. O nacional'nyh harakterah // Jum D. Sochinenija: v 2 t. – M.: Mysl', 1966. – T. 2. – S. 703–721.
19. Cipko A. S. Komu i chemu sluzhit mif o «kommunisticheskom instinkte» russkogo cheloveka // Nauka i zhizn'. – 2011. – № 5. – S. 35–44.
20. Jakovenko I. G. Russkoe prostranstvo // Rossija: voobrazhenie prostranstva / prostranstvo voobrazhenija / otv. red. I. I. Mitin; sost. D. A. Zamjatin. – M.: Agraf, 2009. – S. 23–37.